

РУССКИЕ И ТУРЕЦКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЗООНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

Фразеология такая часть языка, в которой, может быть, ярче всего прослеживается национальный дух, национальная специфика, особенности национальной семантики. В ней закреплено образное мышление народа, поэзия языка. Можно сказать, что фразеология – это визитная карточка языка. Людям с давних пор свойственна образность мышления, присуща метафоричность высказывания из-за её эффективного и эффективного воздействия на оппонентов. В своих доводах мы часто прибегаем к цитатам, используем крылатые слова, пословицы и поговорки. Такой приём оказывает психологическое давление на слушателя, подсознательно убеждает его в том, что данную точку зрения с говорящим разделяют и другие, авторитетные умы. На содержание устойчивого выражения накладывает отпечаток вся история народа, формы и условия существования его и его языка, а также геополитические факторы: географическое положение страны, общественно-политическое и религиозное устройство, привычный народу растительный и животный мир, наличие соседей и др. Само существование таких факторов часто придаёт фразеологизму национальный колорит, который особенно заметен при сравнении с иноязычной фразеологией.

Таким образом, сопоставительная фразеология оказывается в ряду тех дисциплин, которые способствуют пониманию различий картины мира в глазах наций.

Зоонимы давно входят в состав многих фразеологизмов, пословиц, поговорок в качестве метафорических индикаторов речи: человек истари переносил некоторые свойства животных на людей, достигая таким образом столь нужной ему образности в характеристике окружающих. Старинные верования и обряды, одним из элементов которых были животные, мифологические представления с зооморфизмами в качестве основных и второстепенных составляющих дополняли и развивали фразеологию, расцвечивали её новыми красками. А знаменитые восточные гороскопы и некоторые знаки Зодиака под зоонимическими символами прочно стали одним из любимых развлечений людей, верящих в фатальную линию судьбы. При сравнении фразеологических пластов двух языков можно убедиться в существовании некоторых отличий и сходств в использовании зоонимов. Мы исследовали около 100 русских и турецких фразеологизмов, пословиц и поговорок, в которых присутствует зоонимический компонент (в некоторых работах их называют анимализмами). В настоящей работе для нас принципиально различие между фразеологизмами, пословицами, поговорками, крылатыми словами, поэтому мы условно всё это называем фразеологизмами.

Следует говорить о структурном, семантическом и, в связи с ними, о переводном аспекте их изучения. Отметим особо, что мы исследовали только русско-турецкие фразеологические соответствия. То есть исходный материал был русский, а его смысловой аналог мы искали в турецких источниках. Однако интерес представляют и примеры обратного толка, когда исходным материалом становится турецкий, а его аналог ищется в русских источниках. И при этом результаты обоих направлений исследования будут отличаться. Так, турецкому фразеологизму *eşekten düşmek* (букв. *упасть с ишака*) соответствует русский *упасть с дуба*, а турецкой пословице *İtle yatan pireyle kalkar* (букв. *Лёгший с собакой встанет с блохами*) соответствует русская *С кем поведёшься, от того и наберёшься*.

В семантическом плане фразеологизмы с зоонимическим компонентом составляют 3 группы.

К первой группе отнесём случаи, когда русскому зоониму в турецком соответствует аналогичный зооним при одинаковой понятийной основе всего фразеологизма. В этом случае состав и структура фразеологизмов практически полностью совпадает, естественно, с поправкой на различие в грамматиках (см. таблицу 1).

Таблица 1. Русско-турецкие зоонимические эквиваленты

Русская ФЕ	Турецкая ФЕ
Волков бояться – в лес не ходить.	Kurttan korkan ormana girmez.
Где кошки нет, там крысам воля.	Kedinin bulunmadığı yerde sıçanlar başkaldırır.
Гора родила мышь.	Dağ fare doğurdu.
Дарёному коню в зубы не смотрят.	Beleş atın dişine bakılmaz.
Золотая клетка соловью не потеха.	Bülbüle altın kafes bile zindandır.
Гоняться за двумя зайцами.	İki tavşanı birden kovalamak.

Чувствовать себя как рыба в воде.	Kendini suda balık gibi hissetmek.
Жить как кошка с собакой.	Kedi köpek gibi yaşamak.
Львиная доля.	Aslan payı.
Вольная птица.	Kuşlar gibi hür.
Рыба тухнет с головы.	Balık baştan kokar.
Лить крокодиловы слёзы.	Timsah gözyaşları dökmek.
Не ищи телёнка под быком.	Öküz altında buzağı aranmaz.
Брехливая собака не кусается.	Havlayan köpek ısırılmaz.
Свой птенец и ворону кажется соколом.	Kuzguna yavrusu şahin görünür.
Собака лает, ветер носит.	İt ürür kervan yürür.
Не учи щуку плавать.	Kırk senelik balığa yüzme öğretme.
Знает кошка, чьё мясо съела!	Süt dökmüş kediye dönmek.

Такие фразеологизмы даже вне контекста обладают идентичными денотативными и коннотативными значениями. Они могут использоваться в одинаковой ситуации как русскими, так и турками. Перевод таких единиц не представляет затруднений во многом благодаря тому, что в них отсутствует национальный колорит. Эти фразеологизмы межнациональны, многие из них вообще обязаны своему существованию одному источнику: например, *Гора родила мышь* (тур. *Dağ fare doğurdu*; англ. *The mountain gave birth to a mouse*); *львиная доля* (тур. *Aslan payı*; англ. *The lion's share*); *Луть крокодиловы слёзы* (тур. *Timsah gözyaşları dökmek*; англ. *crocodile tears*). А вот другой фразеологизм: *Жить как кошка с собакой* (тур. *Kedi köpek gibi yaşamak*, англ. *like cats and dogs*). Такая образная антитеза универсальна для многих народов, так как переносит стандартное представление об отношениях этих двух животных на людей. В этом и иных случаях можно говорить о полной эквивалентности фразеологических единиц двух сопоставляемых языков (Влахов, Флорин, 184). Межнациональные фразеологизмы часто являются продуктом общих мифологических или литературных источников, представляя собой кальки. Заметим, что в эту группу мы включили и фразеологизмы, которые Влахов и Флорин считали относительными эквивалентами, так как их состав при общей семантической идентичности немного различен. Так, турецкая пословица *İt ürür kervan yürür*, чаще имеющая эквивалентом *Собака лает, ветер носит*, содержит такой восточный элемент как *караван* (в последнее время и в русскоязычной среде всё чаще говорят *Собака лает, караван идёт*). Кроме того, турецкую лексему *it* следовало бы перевести как *нёс*: это важно в семантико-стилистическом плане, так как в турецком языке слово *it* имеет уничижительную коннотацию по сравнению с нейтральным *köpek* "собака". Аналогично в русском использование зоонима *нёс* для передачи презрительного отношения: *нёс с тобой, нёс смердячий, нсу под хвост, нёс его знает*. Подтверждением разностилевой отнесённости этих синонимов является невозможность замены в указанных единицах.

Различие русской пословицы *Не учи щуку плавать* от турецкой *Kırk senelik balığa yüzme öğretme* состоит в использовании гипонима *щука* по сравнению с турецким гиперонимом *balık* "рыба", а также в употреблении

турецкой единицей числительного (буквально турецкая поговорка переводится как *Не учи сорокалетнюю рыбу плавать*). Зооним *кошка* в русской поговорке *Знает кошка, чьё мясо съела* идентичен турецкому зоониму *kedî* в поговорке *Süt dökmüş kediye dönnek*, однако по остальным компонентам эти поговорки различаются (буквально переводится как *Разливший молоко в кошку превращается*), что, впрочем, не отражается на контекстах их применения. Последние три единицы в русском и турецком языках имеют разную образную основу (хотя и в разной степени), что отражено в использовании некоторых разных компонентов.

Ко второй группе отнесём случаи, когда русскому зоониму в турецком языке есть иное зоонимическое соответствие. При этом содержательная сторона ФЕ и поговорок совпадает, как совпадают контексты их применения. "*Соловья баснями не кормят*", – скажет русский в ситуации, когда турок произнесёт "*Aç auy oupataz*" (букв. *Голодный медведь не танцует* – цыгане в Турции на потеху публике заставляли медведя танцевать). Такие случаи мы назовём зоонимическими альтернантами. В таблице 2 приведено несколько наиболее ярких примеров альтернантных зоонимов.

Таблица 2. Русско-турецкие зоонимические альтернанты

Русская ФЕ	Турецкая ФЕ
Ворон ворону глаз не выклюет.	Kurt kurdu yemez.
Голодной лисе всё куры снятся.	Aç tavuk kendini buğday ambarında sanır.
Лучше синица в руках, чем журавль в небе.	Bugünkü tavuk yarınki kazdan daha iyidir.
Метать бисер перед свиньями.	Ayıya kaval çalmak.
С волками жить – по-волчьи выть.	Müsülman mahallesinde salyangoz satılmaz.
С паршивой овцы хоть шерсти клок.	Deveden bir tüy koparmak kârdır.
Делать из мухи слона.	Pireyi deve yapmak.
Когда рак на горе свистнет.	Balık kavağa çıktığı zamanda.
Понимать в чём-то как свинья в	Eşek hoşaftan ne anlar (anlamaz).

апельсинах.	
-------------	--

Все эти и иные подобные примеры имеют в сопоставляемых языках разное метафорическое выражение, заключающееся в использовании зоонимических альтернантов. Но структура ФЕ, её ситуативная область применения идентичны. Кроме того, в зоонимических альтернантах присутствует национальный колорит, связанный с геополитическими, религиозными и иными различиями. Так, русской пословице *С волками жить – по-волчьи выть* соответствует турецкая *Müsülman mahallesinde salyangoz satılmaz*, букв. *В мусульманском квартале улиток не продать*, которая отражает неприятие традиционной восточной кухни западной моды в еде. Интересно, что этой же русской пословице есть и другой аналог, без зоонима: *Romada romalılar gibi davranmak*, букв. *В Риме надо поступать как римляне*. Оба турецких варианта отличаются от русского по структуре и компонентам, но ситуативно с ним совпадают.

Яркой метафорой выглядит и ещё одна пара зоонимических альтернантов: русск. *На безрыбье и рак рыба* (в бодуэновской редакции словаря Даля есть ещё более сильный образ с инвективой *На бесптичье и жона соловей*) и тур. *Kadı olmayan yerde keçiye Evliya Çelebi derler*, которая переводится как *Там, где нет судьбы, и козу называют Эвлия Челеби*. В этой пословице периода Османской империи использовано имя Эвлии Челеби (XVII век), который, будучи известным путешественником, писателем и историком, признавался незыблемым авторитетом в османском обществе. Состав членов этих пословиц полностью различен, и лишь замена компонента *рак* в русской пословице на *kedî* в турецкой позволяет отнести её к группе зоонимических альтернантов. Кроме того, в турецком варианте представлен редкий случай использования имени реально существовавшего человека, ставшего для турков символом знания и рассудительности.

Замещение зоонимов в турецком по сравнению с русским выводит нас на иную образную основу, свойственную туркам. Одной из причин этого является другой состав фауны присредиземноморского региона. Вот почему в турецких пословицах не популярно упоминание *свиньи*, содержание и разведение которых запрещено по религиозным соображениям, зато нередки такие названия экзотических для русских животных, как *верблюд* и *ишак*. И если русский *делает из мухи слона*, то турок – из *блохи верблюда* (*Pireyi deve uurtak*). По всей видимости, это семантическая калька межнациональной пословицы, когда-то заимствованной и русскими: иначе трудно объяснить появление в ней чуждого русской фауне *слона*. А русской *овце* в пословице *С паршивой овцы хоть шерсти клок* соответствует также *верблюд* при всех остальных совпавших компонентах: *Deveden bir tüy koparmak kârdır*. Турок ещё раз возьмёт за образец верблюда, когда захочет передать ничтожно малое количество чего-либо: *Devede kulak*, букв. *ухо у верблюда*, тогда как в русской пословице мы находим альтернант: *как кот наплакал*.

Если русский о не разбирающемся в чём-то человеке скажет, что он *понимает в этом как свинья в апельсинах*, то турок припомнит *ишака*: *Eşek*

hoşaftan ne anlar, букв. *понимает как ишак в компоте*. Наконец, если русский использует название *свиньи* в пословице библейского происхождения *Метать бисер перед свиньями*, то в турецкой пословице вспоминают *медведя*: *Ayuva kaval çalmaq*, букв. *играть медведю на дудке*.

Привычные русской природе *синица* и *журавль* в пословице *Лучше синица в руках, чем журавль в небе* на турецкой почве замещены более приземлёнными *курицей* и *гусём*: *Bugünkü tavuk yarınki kazdan daha iyidir*, букв. *лучше курица сегодня, чем гусь завтра*. Возможно, эта пословица отображает традиционные и весьма консервативные пристрастия турок в еде, тогда как русским всегда было свойственно стремление к простору, к идеалу: *журавль* выступает как символ чего-то недостижимого, или, по крайней мере, мало осуществимого. Вообще представление о птицах как о вестниках судьбы, как о символах счастья-горя, изобилия-нехватки, как о душах людей свойственно всем мировым мифологиям. Птица является важнейшим элементом религиозно-мифологической системы и ритуала. Однако использование названий птиц в пословицах и ФЕ у каждого народа имеет свои особенности. Больше того, представление о свойственных человеку качествах часто символизируются разными животными и птицами. Если для русского человека воплощением зла является *ворон* (*Ворон ворону глаз не выклюет* или у Даля *Всякому б ворону на свою голову каркать*), то для турка это *волк*: *Kurt kurdu yemez*, букв. *Волк волка не съест*. Ворон/ворона, правда, и в турецкой символике олицетворяет коварство, воровство, распространение молвы, дурные вести, глупость: *karga beyinli* букв. *вороний мозг* (русский скажет *куриные мозги*); *Kargayı bülbül diye satmak*, букв. *продать ворону за соловья* (русское *принимать за чистую монету*); *Karga ile gezen boka konar*, букв. *гуляющий с вороной на дерьмо садится* (здесь отражено представление о вороне как о нечистоплотной птице). Русский с меньшей экспрессией употребит *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты* и др. Турок убивает *одним камнем двух птиц* (*Bir taşla iki kuş vurtmak*), тогда как русский *одним выстрелом двух зайцев*.

Если для русского голодными чаще кажутся дикие животные (*голодный, как волк; Голодной лисе всё куры снятся*), то для турка это *курица* (*Aç tavuk kendini buğday ambarında sanır*, букв. *Голодная курица всё о пшенице в амбаре мечтает*. Впрочем, у Даля находим *Голодной курице просо снится*). Таким образом, доминирующие признаки животного переносятся на человека, становясь основой для зооморфизма. Некоторые лексикографы при составлении толковых словарей даже предлагали использовать в формулировке основного значения слова те признаки животного, которые послужили основой образования зооморфизма (Сергеев, 64). Без сомнения, такие признаки первичны по отношению к сложившемуся в языке устойчивому выражению. Русское представление о глупом человеке часто воплощается в *баране*: *Смотреть как баран на новые ворота*. В турецком аналоге находим альтернативный образ *быка*: *Öküzün trene baktığı gibi bakmak*, букв. *Смотреть как бык на поезд*. Здесь структура и

ситуативное употребление пословиц одинаково при полностью замещённых компонентах.

Впрочем, турецкое представление о глупости не ограничивается образом *быка*: турок о группе послушных и глупых людей скажет также *koyun gibi – как бараны*. Совпадение прослеживается и в зооморфизме *курица* как одном из символов глупости: *глуп как курица* и аналогичное тур. *aptal tavuk gibi*. Но интересно, что для турка крайняя степень глупости символизируется в одном из видов утки – *angut* (русск. *огарь*), в то время как русский о глупом человеке говорит с иронией: *умён как утка*. Наконец, русский о человеке с плохим, корявым почерком скажет, что он *пишет как курица лапой*. Турок же использует альтернант *муравей*: *Karınca duası gibi yazmak*, букв. *писать как молитва муравья* – в одной из сур Корана есть Молитва муравья, написанная мелкой арабской вязью. Правда, если турок захочет подчеркнуть, что написано вкривь и вкось, он скажет либо *Kargacık burgacık yazmak* (букв. *писать каракулями*), либо *doktor yazısı*, букв. *почерк доктора* – намёк на то, что доктора непонятно выписывают рецепты.

У турков и русских *волк* как носитель качеств, свойственных людям – постоянный элемент фразеологии и пословичного континуума. Однако, если у русских *волк* выразитель, скорее, зла, изгой (*смотреть волком; человек человеку волк; волчий билет; волк в овечьей шкуре*), то на Востоке, в том числе, в Турции, *волк* олицетворяет уважаемую силу, знания, опыт. Не случайно поэтому на Востоке *волк* является старинным тотемом многих народов, племён, политических образований. В китайской хронике VII века есть рассказ о предках тюрков, истреблённых врагами, кроме одного мальчика, которого выкормила волчица, ставшая позднее его женой и родившая ему десять сыновей. И там, где русский *съел собаку* или где русский скажет *стреляный воробей*, турок использует зооальтернант *İşin kurdu olmak*, букв. *Быть волком в этом деле* или же *Yaşlı kurt*, букв. *старый волк*. В любом случае, важно то, что и русский, и турок использует, по выражению В.Н. Телия, "модус фиктивности", то есть такое "допущение, которое мы считаем основным для метафоризации и основанием её антропометричности. Именно модус фиктивности приводит в динамическое состояние знание о мире, образно-ассоциативное представление, вызываемое этим знанием, и уже готовое значение, которые и взаимодействуют в процессе метафоризации. Этот модус даёт возможность уподобления логически не сопоставимых и онтологически несходных сущностей..." (Телия, 1988). Разница лишь в том, что векторы действия модуса фиктивности каждого языка не всегда совпадают, а чаще не совпадают, что видно в случае с зоонимическими альтернантами и на примере последней группы сопоставляемых единиц.

К третьей группе относятся случаи, когда русскому зоониму в турецком вообще нет зоонимического соответствия, а смысловая аналогия достигается использованием иных содержательных компонентов. В этом плане может возникнуть проблема перевода, так как смысловое наполнение фразеологизмов относится к разным геополитическим сферам и не покрывает

зону действия каждого. Так, было бы ошибочно переводить русский текст с поговоркой *Конь о четырёх ногах и то спотыкается* с помощью её смыслового аналога *İmam bile okurken yanılır* (*Даже имам, читая [молитву], ошибается*). Геополитические условия жизни русских и турок, несомненно, отразились на качественном составе исследованных единиц. Перевод, конечно же, теряет национальную специфику, если уходит жизненная реалия народа, если сигнификативный компонент значения вытесняет денотативный. Русская поговорка *Не всё коту масленица* имеет в турецком смысловой аналог *Her gün paraş pilav yemez* (*И священник каждый день плов не ест*). Масленица, вначале исключительно праздник, в дальнейшем получило значение "беззаботная, привольная жизнь", а кот был выбран её антропоморфным эталоном. Турецкая поговорка, во-первых, исключает языческо-христианскую традицию как не соответствующую национальной турецкой специфике, во-вторых, выводит зооним за её пределы, в-третьих, вводит национальный колорит в виде традиционного восточного блюда.

Русская поговорка *Всяк сверчок знай свой шесток* содержит зоонимический компонент, тогда как в её турецком аналоге основой метафоризации является религиозная составляющая: *Hacı Mekke'de, derviş tekke'de gerek*, букв. *Хаджи в Мекке, а дервиш в текке* (текке – молельный дом). Русскому орнитониму *ласточка* в поговорке *Одна ласточка весны не делает* её турецкий смысловой эквивалент предъясвляет две иные образные основы: *Bir çiçekle yaz olmaz*, букв. *С одним цветком лета не бывает* и *Bir bulutla kış olmaz*, букв. *С одним облаком зимы не бывает*.

Аналогична понятийная и структурная основа русской и турецкой поговорок *Два медведя в одной берлоге не живут* и *İki karpuz bir koltuğa sığmaz*, букв. *Два арбуза в одной подмышке не уместись*. В турецком есть ещё один выборочный эквивалент, но также имеющий не зоонимическую образную основу: *İki cambaz bir iptе оунamaz*, букв. *Два канатоходца по одному канату не ходят*. Если русский о подлом человеке скажет, что он *подложил свинью кому-либо*, то турок опять обходится без запретного зоонима: *Arkasından kuyu kazmak*, букв. *Вырыть колодезь за спиной кого-либо*. Упомянем также и русский фразеологизм древнееврейского происхождения *козёл отпущения*, который в силу религиозных различий и сложных межнациональных отношений между евреями и не евреями в Ближневосточном регионе турками не используется. При необходимости ситуация заполняется другой ФЕ без зоонима: *şamar oğlanı*, букв. *дитя пощёчины*.

Таким образом, в качестве примеров ФЕ третьей группы мы имеем дело с понятийными эквивалентами, или с сигнификативными альтернантами. Далёкие друг от друга образы в русском и турецком языках, тем не менее, логически сопоставимы, хотя переводчику в ряде случаев придётся искать иной аналог, больше соответствующий тексту оригинала и духу нации. Наличие синонимического ряда у ФЕ в пределах одного языка, несомненно, облегчает работу переводчика, но ставит носителя языка перед выбором фразеологической единицы в данной речевой ситуации (это тема

специального исследования, которое мы провели, но для описания которого уже нет места).

ЛИТЕРАТУРА

1. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М., 2005.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1905.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2006.
4. Мокиенко В.М. Учебная идеография и учебная фразеология// Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного. Воронеж, 1984.
5. Ройзензон Л.И. Фразеология и страноведение// Бюлл. по фразеологии № 1.
6. Новая серия. Вып. 234. Труды Самар. гос. ун-та., 1972.
7. Сергеев В.Н. Зооморфизмы в языке и словаре. В: Современная русская лексикография. Ленинград, 1983, с. 64-73.
8. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира. // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М, 1988. С. 173-203.
9. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русский фразеологический словарь. М., 1999.
10. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И.Молоткова. М., 1987.
11. Asım Bezirci. Deyimlerimizin Sözlüğü. İstanbul, 1998.
12. Cowie A.P., Mackin R. Oxford dictionary of current idiomatic English. 1975.
13. İngilizce-Türkçe Redhouse Sözlüğü. İstanbul, 2004.
14. Liliya Ermakova, Sevinç Üçgül. Kısa Rusça-Türkçe Deyimler Sözlüğü. İstanbul, 1998.
15. Ömer Asım Aksoy. Türkçe Deyimler Sözlüğü. İstanbul, 1998.
16. Penny Hands. Chambers dictionary of Idioms. Edinburgh, 1996.
17. Türkçe-İngilizce Redhouse Sözlüğü.İstabbul, 2003.